

Б.Л. Бойко,

доктор филологических наук, профессор, Военный университет
МО РФ;
e-mail: borisboiko@gmail.com

РЕАЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (на материале романа Ю. Бондарева «Тишина»)

Реальности переводческого процесса как составные компоненты системных отношений включают ситуацию общения, в ходе которой переводчик опосредует общение автора с иноязычным читателем, исходный текст как объект преобразования в текст перевода и взаимодействие текста перевода с реальной действительностью, которая описывается в исходном сообщении и воспроизводится в тексте перевода. Реальности переводческого процесса наиболее зримо проявляют свои качества в том, что они несут на себе печать своеобразия опосредованного общения, т.е. общения при участии переводчика. Своеобразие ситуации общения для переводчика состоит в том, что ему приходится находить способы выражения того, что может не иметь аналогов в языке перевода. Наиболее ярко элементы окружающей реальности, характерные для исходного текста, проявляются в иноязычных реалиях, которые могут не иметь эквивалентов в языке перевода. В стремлении достичь точности перевода переводчик направляет свои усилия на то, чтобы сделать иноязычные реалии понятными для получателя текста перевода.

Ключевые слова: реальности переводческого процесса, ситуация общения, исходный текст, окружающая реальность, иноязычные реалии, военная лексика.

Анализ переводческих решений приводит к необходимости понимания системных отношений, в которых находятся отправитель и получатель текста, переводчик, исходный текст (в нашем случае им будет художественный текст), текст перевода. Характеризуя эти системные отношения, Н.К. Гарбовский вводит понятие *окружающая среда*¹, во взаимодействии с которой перевод обретает качества ведущего и активного компонента процесса перевода. Окружающая среда — это и исторический фон, и обобщённый образ автора исходного текста, и столь же обобщённый образ его потенциальных читателей. На фоне окружающей среды разворачиваются отношения людей в планах автор — читатели, автор — персонажи произведения,

¹ Здесь и далее по тексту курсив мой. — Б.Б.

персонажи произведения — читатели. Конкретный акт перевода, по Н.К. Гарбовскому, раскрывается переводчику в трёх реальностях переводческого процесса: в ситуации общения (коммуникативной ситуации), в исходном тексте и во взаимодействии перевода с той реальной действительностью, которая описывается в исходном сообщении и воспроизводится усилиями переводчика в переводном тексте [Гарбовский, 2004: 229–231]. Далее автор последовательно раскрывает содержание названных реальностей переводческого процесса, мы же перескажем содержание этих реальностей, поверяя теоретические положения фрагментами текста начальных четырёх глав романа Ю. В. Бондарева «Тишина» и тех же начальных четырёх глав в переводе на немецкий язык [Бондарев, 1962]².

Первая реальность переводческого процесса — ситуация общения, или коммуникативная ситуация. В этой ситуации переводчик взаимодействует с автором текста и его читателем, обеспечивая межъязыковое посредничество. Не имея возможностей непосредственного контакта с автором (разделенность автора и переводчика в пространстве или во времени), переводчик формирует образ автора, изучает его образную систему, манеру письма и стиль. С разной степенью осознанности переводчик формирует образ потенциального читателя, который может быть обобщённым в образе т.н. массового читателя и совершенно конкретным в лице издательского редактора и, тем более, литературного критика. Не будем сбрасывать со счетов отношение к переведённому тексту собратьев по переводческому цеху, упускать также из вида стремление переводчика сохранить в тексте перевода не только языковые особенности исходного текста (лексические, грамматические, стилистику жанра), но и скрытые в подтексте задачи, которые ставит перед собой автор, оказывая своим текстом эмоциональное воздействие на читателя и формируя в нём доверительное отношение к тому, что описывается в тексте.

Трудности понимания ситуации общения для переводчика, который не принадлежит к культуре и языку оригинала, состоят в осмыслении содержания исходного текста с установкой на его преобразование в текст перевода. Выступая в роли посредника между автором и потенциальным читателем-иностранцем, переводчик стремится увидеть текст оригинала глазами своего потенциального читателя. В чем-то он повторяет тот путь, который проходит писатель по направлению к своему читателю. Стремясь

² В немецком издании роман вышел с изменённым названием — „Vergiss wer du bist“ досл. «Забудь, кто ты есть» (см. список литературы).

сделать понятными ситуации общения в профессиональной среде, писатель до минимума сведёт количество специальных терминов в речи персонажей. Переводчик вслед за автором проделает ту же работу по адаптации текста на потенциального читателя, однако вынужден будет находить дополнительные средства для передачи того, чего нет в культуре и языке читателя перевода. Основную трудность для переводчика в этом отношении составят реалии этноса, национальной культуры и языка, имеющиеся в исходном тексте.

Приведём фрагмент исходного текста, где переводчику для точности перевода важно понимать ситуацию общения персонажей, чтобы подобрать точные эквиваленты для встречающихся в их репликах единицах разговорной речи и военного жаргона, имеющих ярко выраженную национально-культурную специфику. В одном из эпизодов главные персонажи романа — демобилизованные офицеры Сергей и Константин — приходят в один из московских ресторанов. Ресторан полон, свободных мест нет, но для фронтовика, украшенного наградами — Константин ещё не переоделся в гражданский костюм — место находится. Нужно только обратить на себя внимание метрдотеля, найти убедительные доводы для того, чтобы получить для себя в ресторанном зале отдельный столик. Наиболее убедительный аргумент — предъявление несомненных заслуг посетителя, какими были в послевоенные годы как сам статус фронтовика, так и его награды, явленные в зримой форме, например ряд орденов и медалей, украшающих грудь офицера, в военном, а затем и общем просторечии — *иконостас*.

Иконостас — Ikonostas

— Иногда не нужно умирать от скромности. Я сказал, что ты только что из Берлина. И как видишь, твой *иконостас* произвёл впечатление. Результат — столик [Бондарев, 1962: 30].

“Manchmal darf man eben nicht vor Bescheidenheit sterben. Ich hatte gesagt, dass du soeben aus Berlin gekommen bist. Und wie du siehst hat dein *Ikonostas* Eindruck gemacht. Das Ergebnis — ein Tischchen” [Bondarew, 1963: 47–48].

Слово *иконостас* в значении большое количество орденов, медалей, значков, размещённых на груди человека, помеченное в Большом толковом словаре русского языка как *шутливое* [БТС, 1998] и как относящееся к жаргонизированной русской речи [Мокиенко, Никитина, 2000], понятно русскому, прежде всего, военному читателю. Должно ли оно быть понятно немецкому читателю, не обязательно имеющего в своём культурном опыте знания об устройстве русского православного храма, где алтарная часть от-

делена от общего помещения перегородкой, на которой в несколько рядов располагаются иконы? И если даже такие знания у кого-то есть, то их никак не может быть в речевом опыте рядового немца, не подозревающего, что многочисленные ордена и медали, размещённые в несколько рядов на груди военнослужащего, их нарядность и блеск создают образную основу для метафорического переноса наименования церковного убранства на награды военнослужащих. Немецкий переводчик никак не комментирует вне сомнения неведомое немецкому же читателю это слово русского просторечия. Возможно, потому что надеется на то, что вслед за автором продолжит тему наград двумя абзацами ниже:

— Посмотри, Костя, у меня слишком пресная морда? Или идиотское выражение?

— Не нахожу, — произнёс Константин, с интересом изучая меню. — А что? Обращают внимание? Пожинай славу. Молодой, красивый, *весь в орденах*. И с руками и ногами [Бондарев, 1962: 30].

„Schau einmal, Kostja, habe ich etwa eine zu fade Schnauze oder einen idiotischen Ausdruck im Gesicht?“

„Ich finde nicht“, erwiderte Konstantin und studierte mit großem Interesse die Speisekarte. „Warum? Erregst du Aufmerksamkeit? Ernte deinen Ruhm! Ein junger Mann, schön von Antlitz und Gestalt, *ordenübersät*. Dazu mit Armen und Beinen.“ [Bondarew, 1963: 48–49].

Предложенный переводчиком эквивалент *ordenübersät* досл. ‘усеянный орденами’ перекликается с образом иконостаса православной церкви, где иконы располагаются в несколько рядов не хаотично, к чему подводит семантика причастия *übersät* — ‘усеянный’, а в строго регламентированном порядке. Вызывает сомнение, что немецкоязычный читатель соединит образ иконостаса в православном храме, в котором он, возможно, никогда не бывал, с многочисленными наградами фронтовика. Однако, мы не станем утверждать, что русскому читателю, не имеющему в своём речевом опыте метафорической связи между образом иконостаса и многочисленными наградами даже современного военнослужащего, понятна упомянутая единица отечественного военного жаргона. Слово иконостас в значении ордена и награды на парадном мундире (кителе) военнослужащего имеет помету *шутл.* (шутливое) в Большом толковом словаре русского языка [БТС, 1998].

Завершая иллюстративный материал, относящийся к содержанию первой реальности процесса перевода, — способу интерпретации лексических единиц, обсудим ещё одну разновидность приспособления для компактного размещения наград, собранных на т.н. *орденских колодках*.

Орденские колодки — ein ganzes Glockenspiel von Orden

Он посмотрел на ближние столики. Багровый, потный человек с налитой шеей, *орденские колодки* на лацкане тесного пиджака, быстро жевал, разговаривая с двумя молоденькими и вероятно только что из училища, младшими лейтенантами... [Бондарев, 1962: 30].

Er betrachtete die Nachbartischchen. Ein purpurner schwitzender Mann mit gedrungenem Hals, auf dem Revers der engen Jacke *ein ganzes Glockenspiel von Orden*, kaute gierig, während er mit zwei blutjungen, wahrscheinlich erst vor kurzem ausgemusterten Unterleutnants ... sprach. [Bondarew, 1963: 48].

Предлагаемый немецким переводчиком образ мелодичного позвякивании медалей, укрепленных на орденской колодке, соответствует тому, что в немецком языке метафорически именуется *Glockenspiel von Orden* — досл. ‘перезвон колокольчиков’. Одновременно поясним, что в значении немецкого причастия второго *ausgemustert*, образованного от глагола *ausmustern* ‘признавать негодным к военной службе’, реализовано австрийское значение того же глагола — ‘производить выпуск после окончания военного училища’ (см.: электронный Дуден на сайте <https://www.duden.de/rechtschreibung/ausmustern>).

Вторая реальность переводческого процесса — исходный текст, который дан переводчику в непосредственном ощущении. Исходный текст образует основу процесса перевода, в нём, по Н.К. Гарбовскому, содержится необходимая информация, подлежащая переводческому переосмыслению [Гарбовский, 2004: 230]. Исходный текст как фрагмент окружающей среды взаимодействует с текстом перевода через посредство *метафорических* по своей природе переводческих трансформаций, оставаясь при этом неизменным. Преобразования текста посредством переводческих трансформаций суть процедура ментальная, она ничего не меняет в исходном тексте в процессе его перевода [Бархударов, 1975: 6; Швейцер, 1988: 118].

Однако не проблема трансформаций исходного текста в процессе перевода составляет предмет исследовательского интереса Н.К. Гарбовского в данном случае, а проблема взаимодействия перевода с той реальной действительностью, которая описывается в исходном тексте, воспроизводится в тексте перевода и квалифицируется как **третья реальность переводческого процесса**. Сложность такого взаимодействия состоит, по Н.К. Гарбовскому, в том, что переводчик воспринимает его не в непосредственных ощущениях, а в виде некой абстракции, идеальной сущности, ма-

териализованной в знаках языка. Вчитываясь в исходный текст, переводчик сталкивается не с самой действительностью, а с её отражением в сознании автора, с авторской картиной реальности, которая может отображать эту реальность с разной степенью точности и всегда субъективно. Расшифровывая знаки исходного языка и воссоздавая картину реальности, описываемую автором, переводчик опирается на собственные знания той же реальности [Гарбовский, 2004: 231]. Следовательно, тот переводчик будет точнее в воссоздании в переводе авторского понимания реальной действительности, который имеет личный опыт восприятия той же действительности и может сопоставлять создаваемый им текст перевода с картиной окружающей реальности, как она существует в его личном опыте. Чем ближе переводчик по времени ко времени создания исходного текста, чем глубже он изучил язык исходного текста и то, что выражено на нём, тем точнее будет его перевод на язык принимающей культуры.³ Вчитываясь в язык персонажей, переводчик понимает, что общая тональность их общения выражена средствами обиходной разговорной речи с отдельными вкраплениями жаргона — молодёжного или армейского. Отсюда определённая асимметрия на уровне эквивалентов — в одних случаях разговорной или жаргонной единице исходного текста в тексте перевода предлагается нейтральная в стилистическом плане единица, в других на месте нейтральной единицы исходного языка в языке перевода возникает стилистически отмеченная единица военного или общего жаргона. Форенизации и доместикации отдельных мест перевода на уровне предложения или абзаца (сверхфразового единства) неизбежны, однако на уровне целого текста ситуация выравнивается. Тому примером следующий фрагмент оригинала и перевода:

Тачанка — Maschinengewehrwagen, чапаевская папаха — Kosakenpapacha, пулемёт — Kugelspritze, полосовать из пулемёта — die Kugelspritze plätschern lassen

...Помнишь, только думали о подвигах на пулемётной тачанке. «Если завтра война...» Красиво несёшься на тачанке в чапаевской папахе и полосуешь из пулемёта. «Полетит самолёт, застрочит пулемёт, и помчатся лихие тачанки...» [Бондарев, 1962: 25].

³ Немецкий переводчик романа Йозеф Хан (Josef Hahn, 1912–1991, см. https://de.wikipedia.org/wiki/Josef_Hahn), на момент выхода в свет первого издания романа (1962 г.), как и автор романа Ю.В. Бондарев (род. в 1924 г.), очевидец тех же событий середины XX века в Европе, где центральное место занимает Вторая мировая война и послевоенные годы разрухи.

Константин усмехнулся, сделал жест бритвой, будто рассеивая пулемётные очереди.

Wir dachten nur an Heldentaten auf dem Maschinengewehrwagen. ‚Wenn morgen Krieg ausbricht...‘ Du stehst in voller Herrlichkeit mit einer Kosakenpapacha wie der Bürgerkriegsheld Tschapajew auf dem Maschinengewehrwagen und lässt die Kugelspritze plätschern. ‚Es kommt ein Flugzeug daher, das MG steppt es ab, und die verwegenen Maschinengewehrwagen stürmen weiter...‘

Konstantin lächelte und macht mit dem Rasiermesser eine Bewegung, als gäbe er Feuerstöße ab [Bondarew, 1963: 42].

В приведённом эпизоде романа переводчик прибегает к внутри-текстовому комментарию реалий гражданской войны в СССР, где отечественному читателю не нужно пояснять детали атакующей красной пехоты в сцене кинофильма «Чапаев» (1934), созданному по одноимённому роману Д. Фурманова. В тексте перевода в качестве эквивалента к слову *тачанка* предлагается *Maschinengewehrwagen* (досл. ‘телега с установленным на ней пулемётом’), к словосочетанию *чапаевская папача* — переводческий комментарий — «казацья папача на манер той, что носил герой Гражданской войны Чапаев». В целях усиления эмоционального воздействия на читателя вместо слова со стёртой образностью внутренней формы — пулемёт (в основе образности внутренней формы лежит словосочетание *метать пули*) в качестве эквивалента предлагается слово немецкого солдатского жаргона *Kugelspritze* (досл. ‘шприц, из которого вылетают пули’). Энергия пулемётных очередей в русском тексте выражена невербально: персонаж проводит бритвой по воздуху так, будто он ведёт огонь из пулемёта по наступающей цепи вражеских солдат: *macht mit dem Rasiermesser eine Bewegung, als gäbe er Feuerstöße* — в дословном переводе «делает опасной бритвой движение (по горизонтали), будто ведёт огонь из пулемёта короткими очередями». Сохраняя разговорную тональность эпизода, переводчик применяет единицы разговорной немецкого языка там, где, казалось бы, им не место — при переводе словосочетания «застрочит пулемёт» (из песни «Если завтра война»), он использует аббревиатуру *MG* в качестве разговорного эквивалента для *Maschinengewehr* ‘пулемёт’ и глагол *absteppen* в его естественном значении ‘строчить’ (делать строчку на швейной машинке), в результате чего восстанавливает стёртую образность русского глагола *строчить*, т.е. вести огонь из пулемёта.

Н.К. Гарбовский, опираясь на переводы с разных языков, в том числе с русского (см. в частности анализ фрагмента из повести

М.А. Булгакова «Собачье сердце» в переводе на английский язык) приводит ряд неточностей, допущенных переводчиками при передаче реалий иноязычной действительности, искажения оригинала, добавления в текст того, чего нет в оригинале, или выбрасывание деталей оригинала, которые не поддаются переводу [Гарбовский, 2004: 232–233].

Насколько успешно немецкий переводчик, соотнося исходный текст и текст перевода с реальной действительностью, перевёл отечественные реалии военных и послевоенных лет на немецкий язык, можно судить на основе сопоставлений текстовых фрагментов оригинала и перевода:

Фронтовики — Frontsoldaten

Слово *фронтовик* в русском речевом обиходе в своей семантике обобщает любые категории военнослужащих — рядовых и офицеров — всех, кто принимал участие в боевых действиях непосредственно на фронте. Наряду со словом фронтовик в обобщающем значении широко распространено словосочетание *фронтовые офицеры*, обозначающее отдельную категорию военнослужащих, принимавших непосредственное участие в боевых действиях, которым противопоставлялись т.н. *тыловики*, офицеры тыловых служб, в боевых действиях на переднем крае участие не принимавшие. При переводе на немецкий язык эквивалентами для понятий *фронтовики* и *фронтовые офицеры* служили соответственно Frontsoldaten и Frontoffiziere:

— Кондеев! — строго окликнул он (метрдолель ресторана. — Б.Б.) пробегавшего мимо сухопарого официанта. — Обслужите, будьте любезны, фронтовиков... [Бондарев, 1962: 29].

„Kondejew!“ rief er streng soeben vorbeilaufenden hageren Kellner an. „Bedienen Sie noch die Frontsoldaten hier, seien sie so freundlich...“ [Bondarew, 1963: 47].

Шинель — Soldatenmäntel

В первые послевоенные годы офицеры и солдаты не сразу переоделись в штатское платье, какое-то время они, что называется, донашивали своё фронтовое обмундирование — шинели, гимнастёрки, сапоги. В приведённом ниже фрагменте романа переводчик допускает неточность, когда переводит слово *шинели*, принадлежащие двум демобилизованным офицерам, словом Soldatenmäntel, впрочем, неточность относительную, поскольку определяющий компонент сложного слова — Soldaten, прочитывается в обобщённом значении этого слова — военнослужащие:

Когда они, скинув *шинели* в вестибюле, вошли с холода в зал, в тёплое сверкание люстр и зеркал, в папиросный дым, эта обстановка гудящего среди блеска огней веселья ослепила в первую минуту Сергея... [Бондарев, 1962: 29].

Als sie ihre *Soldatenmäntel* im Vestibül abgelegt hatten und aus der Kälte in den Saal traten, in das warme Geglitzer der Lüster und der Spiegel und in den Zigarettenqualm, fühlte sich Sergej im ersten Augenblick von dieser Atmosphäre surrender, schäumender Heiterkeit im Lichterglanz geblendet [Bondarew, 1963: 46].

Армейская телогрейка

Для этой весьма, казалось бы, распространённой реалии — в телогрейки как простейшее решение зимней одежды (сатин и вата) в военные годы были одеты не только солдаты и офицеры, но и гражданское население страны — заводские рабочие, строители, механизаторы — переводчик романа Ю. Бондарева Йозеф Хан находит не самое удачное решение: *Seelenwärmer der Roten Armee* — досл. 'вязаный жилет', тогда как для именованя этого вида одежды на немецком языке точнее было бы применить слово *Wattejacke* — досл. 'куртка на вате'. Вот фрагмент оригинала и перевода:

Несколько человек с поднятыми воротниками стояли около забора <...> Эти люди были похожи на приезжих. Двое в армейских телогрейках сидели, как на вокзале, на чемоданах, от нечего делать лениво играли в карты [Бондарев, 1962: 21].

Etliche Männer mit aufgestellten Rockkragen standen neben dem Zaun <...> Zwei von ihnen saßen in Seelenwärmern der Roten Armee auf ihren Koffern wie auf dem Bahnhof und spielten vor Langeweile träge Karten [Bondarew, 1963: 33].

На полях заметим, что проблему с переводом реалии *армейская телогрейка* успешно решила переводчица романа Даниила Гранина «Мой лейтенант» Екатерина Лебедева, предложив для именованя телогрейки словосочетание «куртка на вате» — *Wattejacke*, упоминаемую, кстати, в лексикографических источниках, в частности, слово *телогрейка* находим в 21-м издании Большого русско-немецкого словаря под ред. К. Лейна: **телогрейка** ж 1. *ärmellose Jacke* 2. (ватник) *Wattejacke* [Большой русско-немецкий словарь, 2008]:

Окопная жизнь имеет распорядок. Завтраки обеды, дежурства. Война в обороне даёт подобие дома. Свистят пули, осколки — неважно, есть свой уголок, где можно скинуть шинель, телогрейку, снять ремень, а то и сапоги... [Гранин, 2014: 155].

Das Leben im Schützengraben hat seine feste Ordnung: Frühstück, Mittagessen, Dienste. Das Leben während der Verteidigung gab uns eine

Art Zuhause. Kugeln pfffen, Splitter flogen — nicht so wichtig, man hatte seine eigene Ecke, wo man den Soldatenmantel und die Wattejacke abwerfen, das Koppel abschnallen und die Stiefel ausziehen konnte... [Granin, 2015: 172].

Бранная лексика

Непростую задачу, связанную с передачей на немецком языке единиц русской брани немецкий переводчик решает, прибегая к подмене принятых в русском этническом сознании образов и заставших речевых формул, ср. в приведённом ниже фрагменте слова и выражения спекулянтская морда — *Spekulantenschnauze* (досл. ‘спекулянтское рыло’), сволочь — *Bankert* (*бран.* сукин сын; *австр., баварск.* невоспитанный ребёнок, перекосорылить морду (кому-л.), иначе превратить лицо человека в косое рыло — *jemandes Schnauze zu einem Schweinrüssel langziehen* — досл. ‘вытянуть чьё-л. рыло так, чтобы оно стало похоже на рыло свиньи’.

— Что-о? Это кто спекулянтская морда? Сволочь... Я Сталинград защищал — вон смотри: двух пальцев нет! Осколком... Я тебе дам спекулянт! Так морду и перекосорылю! [Бондарев, 1962: 19].

“*Waas? Wer soll eine Spekulantenschnauze sein? Bankert... Ich habe Stalingrad verteidigt — da schau hier: zwei Finger fehlen! Von einem Splitter... Ich werde dir gleich einen Spekulanten geben! Dass ich dir nur nicht deine Schnauze zu einem Schweinrüssel langziehe!*” [Bondarew, 1963: 29].

Ко всем матерям призывает послать прошлое другой персонаж романа, пытаясь найти примирение с бывшим сослуживцем:

...Выпьем, Вохминцев, за примирение, за то, чтобы... *ко всем матерям это!*.. Глупых смертей было много. Война кончилась — бог с ним, с прошлым. Предлагаю выпить за новую дружбу и всё забыть! [Бондарев, 1962: 38].

“*Trinken wir, Wochminzew, auf unsere Versöhnung, die ... zu allen Mütterchen damit ... Dumme Tode gab es viele. Der Krieg ist vorbei — Gott mit ihm und der ganzen Vergangenheit. Ich schlage vor, auf unsere neue Freundschaft zu trinken und alles zu vergessen!*” [Bondarew, 1963: 60–61].

В тексте перевода предложная конструкция *zu allen Mütterchen damit* — досл. “ко всем мамочкам с этим”, где уменьшительная форма, согласно словарю Дудена, применяется для именованья маленького роста старушки и никак не может прочитываться как аналог одного из выражений русской брани. Применяя кальку для передачи этого распространённого в русском языке руга-

тельства⁴, возможно смягчённого в своём вульгарном значении после его употребления Маяковским в известном стихотворении о советском паспорте — «к любимым чертям с матерями катись любящая бумажка. Но эту ...», немецкий переводчик не вызывает тех ассоциаций у своего читателя, которые вызывает эта формула русской брани у носителя русского языка.

Таким образом, реальности процесса перевода — ситуация общения, исходный текст и взаимодействие текста перевода с реальной действительностью — должны осознаваться каждым переводчиком как компоненты и реальности процесса перевода. С наибольшей чёткостью эти реальности процесса перевода проявляются, как было показано выше, при анализе переводчиком реалий иноязычной культуры и поиска способов их интерпретации на языке перевода.

Список литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. М.: «Международ. отношения», 1975. 240 с.

Большой русско-немецкий словарь / под ред. К. Лейна. 21-е изд. М.: Рус. яз. — Медиа, Дрофа, 2008. XVIII, [II], 866 [10] с.

Бондарев Ю.В. Тишина. Роман / Ю.В. Бондарев. М.: «Советский писатель», 1962. 308 с.

БТС: Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. 1536 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Московского университета, 2004. 544 с.

Гранин Д. Мой лейтенант. Зубр. Moscow: Эксмо, 2014. 672 с. (Библиотека всемирной литературы).

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: «Норинт», 2000. 720 с.

Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16000 слов / Д.И. Киселевич. М.: Астрель: АСТ, 2005. — 1021, [3] с.

Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

Bondarew Jurij. Vergiss wer du bist. Aus dem Russischen von Josef Hahn. Titel des Originals „Tischina“ Roman. Fackelverlag. Olten — Stuttgart — Salzburg. Printed in Austria, 1965.

Granin Daniil. Mein Leutnant. Roman. Aus dem Russischen von Jekatherina Lebedewa. Mit einem Vorwort von Bundeskanzler a.D. Helmut Schmidt. 1. Aufl. 2015. Aufbau Verlag Berlin. 2015. 329 p.

⁴ См. словарную статью с заголовочным словом МАТЬ в Толковом словаре ненормативной лексики русского языка Д.И. Киселевича [Толковый словарь..., 2006].

Boris L. Boiko,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Military University, Moscow, Russia;
e-mail: borisboiko@gmail.com

REALITIES OF THE TRANSLATION PROCESS: ON THE GERMAN TRANSLATION OF YU. BONDAREV'S NOVEL "SILENCE"

The realities of the translation process as components of the systemic relations include the situation of communication within which the translator mediates the author's communication with a foreign reader, the original text as an object of transformation into the translated text and interaction of the translated text with the actual reality which is described in the original text and is reproduced in the translated one. The realities of the translation process manifest their qualities most visibly by bearing the peculiarity of the mediated communication, i.e. communication with the translator's participation. The peculiarity of the communication situation for the translator is that he must find ways of expressing what does not have analogues in the target language. The most vivid elements of the surrounding reality, characteristic of the original text, manifest themselves in foreign-language realities which may not have equivalents in the target language. By achieving the accuracy of the translation, the translator focusses his efforts on making the foreign-language realities understandable to the translation recipient.

Key words: the realities of the translation process, the situation of communication, the original text, the surrounding reality, foreign realities, military vocabulary.

References

Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda) [Language and Translation: Questions of the General and Special Translation Theory]. Moscow: „Mezhdunar. otnosheniya“, 1975. 240 p. (In Russian).

Bol'shoj russko-nemeckij slovar' [Great Russian-German Dictionary], pod red. K. Lejna. 21-e izd. Moscow: Rus. yaz. — Media, Drofa, 2008. XVIII, [II], 866 [10] p. (In Russian).

Bondarev Yu. V. Tishina [Silence]. Novel. Moscow: “Sovetskij pisatel”, 1962. 308 p. (In Russian).

BTS: Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. St. Petersburg: “Norint”, 1998. 1536 p. (In Russian).

Garbovsky N.K. Teorija perevoda [The Theory of Translation]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2004. 544 p. (In Russian).

Granin D. Moj lejtenant. Zubr [My lieutenant. Bison]. Moscow: Ehksmo, 2014. 672 p. (Biblioteka vsemirnoj literatury) (In Russian).

Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkogo zhargona [Great Dictionary of the Russian Slang]. St. Petersburg: "Norint", 2000. 720 p. (In Russian).

Tolkovyj slovar' nenormativnoj leksiki russkogo yazyka: ok 16000 slov [Explanatory Dictionary of the Russian Obscene Language]. D.I. Kiselevich. Moscow: Astrel': AST, 2005. 1021, [3] p. (In Russian).

Shvejcer A.D. Teoriya perevoda. Status, problemy, aspekty [The Theory of Translation: Status, Problems, Aspects]. Moscow: Nauka, 1988. 215 p. (In Russian).

Bondarew Jurij. Vergiss wer du bist. Aus dem Russischen von Josef Hahn. Titel des Originals „Tischina“ Roman. Fackelverlag. Olten — Stuttgart — Salzburg. Printed in Austria, 1965.

Granin Daniil. Mein Leutnant. Roman. Aus dem Russischen von Jekatherina Lebedewa. Mit einem Vorwort von Bundeskanzler a.D. Helmut Schmidt. 1. Aufl. 2015. Aufbau Verlag Berlin. 2015. 329 p.